

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.013

**«СУД АКМЕИСТА» В. Я. БРЮСОВА КАК ИТОГ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА
С Н. С. ГУМИЛЁВЫМ**

А. М. Бойников

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье анализируется завершение литературно-критической полемики между В. Я. Брюсовым и Н. С. Гумилёвым, начатой в 1910-е годы. Данный аспект исследования не только углубляет имеющиеся представления о творческой индивидуальности двух поэтов Серебряного века, выступавших в качестве критиков, но и вносит новые штрихи в картину российского литературно-критического процесса 1910–1920-х годов.

Ключевые слова: литературная критика, литературно-критическая деятельность, символизм, акмеизм, поэзия, рецензия, полемика, В. Я. Брюсов, Н. С. Гумилёв.

Выдающиеся поэты Серебряного века В. Я. Брюсов (1873–1924) и Н. С. Гумилёв (1886–1921) проявили себя также в качестве теоретиков – создателей новых литературных направлений – и глубоких литературных критиков. Их творческий диалог в данной сфере вскоре вылился в открытую и острую полемику по поводу сущности и критики символизма и акмеизма. Кроме того, на поле текущей литературной критики они оба в 1909–1915 гг. вели друг с другом заочный творческий диалог, имевший явную полемическую подкладку, и ставший следствием и продолжением их теоретических споров [5]. Сам же этот диалог-спор завершился гораздо позднее – публикацией рецензии В. Я. Брюсова «Суд акмеиста» (1923) на книгу Н. С. Гумилёва «Письма о русской поэзии», изданную в том же году [6, с. 623–628].

Прежде всего отметим принципиальные моменты, имеющие прямое отношение к существу полемики между двумя критиками. Во-первых, по утверждению Н. В. Богомолова, «выводы рецензии Брюсова должны восприниматься как открытое сопоставление позиций двух критиков» [2, с. 708]. Между тем, в рецензии В. Я. Брюсова налицо контрастное сопоставление – а по сути, противопоставление двух точек зрения, поэтому в ней доминируют жанровые признаки полемической статьи, в частности, используется аргументация своей позиции и контраргументация, опровергающая позицию оппонента. Во-вторых, «Суд акмеиста»

© Бойников А. М., 2021

написан в совершенно иную – послереволюционную – эпоху, когда государство утверждало в общественном сознании качественно новую марксистско-ленинскую идеологию, что наложило известный отпечаток на подход к материалу и даже на стиль изложения: например, критические характеристики Гумилёва, данные поэтам, названы достаточно зловеще – «приговорами» [6, с. 623], Брюсовым активно используется понятие «партийность» [Там же, с. 624, 625]. В-третьих, Н.С. Гумилёва к тому времени уже не было в живых, что означало невозможность возражений давнему оппоненту. Кто-то посчитает критику его точки зрения неэтичной при таких обстоятельствах, однако надо отдать должное гражданской позиции В.Я. Брюсова: ведь Н.С. Гумилёв был арестован как участник контрреволюционного заговора «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева», расстрелян 26 августа 1921 г. по постановлению Петроградской ГубЧК, и отзыв о его книге должен был выглядеть в глазах советской власти, самое мягкое, нелояльным и подозрительным.

Рассмотрим полемические аспекты рецензии В.Я. Брюсова более детально. Вначале он затрагивает вопрос эволюционного соотношения символизма и акмеизма. С одной стороны, позиции обоих критиков здесь кажутся почти одинаковыми. Брюсов полагает, что в 1909–1915 гг. «завершалось развитие символизма, как боевой и передовой школы» [Там же, с. 623], а Гумилёв в манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (1913) писал: «...символизм закончил свой круг развития и теперь падает»; «на смену символизма идёт новое направление...» [7, с. 55]. С другой стороны, в теоретическом плане Брюсов по-прежнему не считает акмеизм отдельным литературным направлением, подчёркивает его подчинённое положение по отношению к символизму, хотя и выделяет его роль в развитии русской поэзии: «Как ни безуспешны оказались притязания акмеистов, всё же это семилетие <1909–1915 гг.> в значительной мере характеризуется в жизни нашей поэзии их усилиями. Конечно, это – не особый “период”, это – одно из подразделений символистического периода, но являющее свои отличительные черты» [6, с. 624]. По его мнению, «как зачинатель и руководитель “школы” акмеистов (совместно с С. Городецким), Н. Гумилёв переоценивал её значение» [Там же], его критика «была всё же узко-“партийной”, односторонней критикой человека, отстаивающего интересы своей фракции. <...> В конце концов, “Письма” есть суд акмеиста над всей русской поэзией» [Там же]. Далее В.Я. Брюсов употребляет более яркие словосочетания, характеризующие критический подход Н.С. Гумилёва: «партийно-акмеистическая точка зрения», «ещё более узко-акмеистический взгляд» [Там же, с. 625]. Он по-прежнему не желает признавать значение «школы» акмеистов как принципиально нового направления в русской литературе начала XX в., утверждая, что «некоторые из принципов акмеизма были теми общими требованиями

искусства, которые в те годы ещё могли объединять большинство поэтов на одной платформе» [Там же, с. 624], но не называет эти «общие требования», чем ослабляет собственную аргументацию.

Если же принять во внимание литературно-критическую деятельность В. Я. Брюсова в первое десятилетие XX в., ядром которой было утверждение и защита принципов символизма, постоянное и страстное стремление обосновать свободу искусства, то возникает резонный вопрос: а не является ли его дореволюционная литературная критика «судом символиста» над всей русской поэзией? В этой связи уместно привести мнение Н. А. Богомолова о Брюсове-критике указанного периода: «Конечно, достижения крупнейших поэтов, с символизмом связанных, остаются для него **мерилом ценности любого поэтического сборника** (выделено нами. – А. Б.), но с символизмом как с литературным направлением Брюсов уже не считается» [1, с. 25]. Согласимся с тем, что «для него <Брюсова> стало ясным, что время символизма проходит» [Там же], но подчеркнём, что в субъективном плане в его собственно критических публикациях теоретические постулаты символизма давали о себе знать. О «цеховом характере» символистской критики говорит и В. Н. Крылов [8, с. 64]. Кстати, плодотворность символизма и акмеизма как художественных систем, на наш взгляд, подтверждается генезисом русской поэзии как советского, так и постсоветского периодов.

В. Я. Брюсов сразу же выделяет главную особенность критическоего таланта Н. С. Гумилёва: «У Н. Гумилёва было чутьё подлинного критика, его оценки – метки, выражают – в кратких формулах – самое существо поэта» [6, с. 623], оттеняя его прогностическую проницательность: «... большинство приговоров Н. Гумилёва об отдельных поэтах подтверждено их дальнейшим развитием» [Там же].

Далее Брюсов пишет: «В “Письмах” совершенно отсутствует социальный фон» [Там же, с. 627], наличествует «преднамеренное, предвзятое разъединение поэзии и общественности» [Там же]. Эта претензия, навеянная новой идеологией, явно неуместна: в символистской критике начала XX в. вообще и у самого Брюсова, в частности, вряд ли отыщется увязка с тогдашним «социальным фоном». Неясно также, какое содержание вкладывает Брюсов в понятие «общественность», разве что считая таковой «отклики поэтов на современность» [Там же], которые, по его мнению, «не вызывают в критике <Гумилёва> никакой реакции» [Там же]. Между тем, современность – понятие с очень широким объёмом и разносторонним содержанием, включающем в себя множество аспектов – от бытового до философского и религиозного. В «Письмах о русской поэзии» обнаруживается немало суждений о творческих поисках и достижениях современной поэзии, отсылок к предшествующим этапам её развития; анализ поэтических сборников нередко соотносится

с мировым и национальным литературным наследием, с художественным опытом западноевропейской лирики. Мы согласны с Н. А. Богомоловым в том, что здесь «больше сказалась брюсовская партийность, чем объективный анализ и критическая чуткость» [3, с. 12] и – добавим – был нарушен принцип историзма при рассмотрении литературных явлений.

Вторая фундаментальная претензия Брюсова также представляется нам необоснованной: «У Н. Гумилёва как критика нет никакого метода» [6, с. 627], и для него «вполне приемлем... был бы, напр<имер>, подход формальный – оценка, исходящая из анализа формы. Это дало бы критику некоторую прочную основу, позволяющую делать точные выводы» [Там же]. Во-первых, Брюсов в данном утверждении противоречит сам себе, ибо выше он признал глубину критики Н.С. Гумилёва и правильность большинства выдвинутых им литературных прогнозов. Во-вторых, в основе гумилёвской критики лежала фактически система формальной интерпретации стихотворений, опирающаяся на эстетическую категориальную оппозицию «совершенство / несовершенство» [4]. Г.М. Фридендер видел суть этой системы в следующем: «Гумилёв полагал, что каждое стихотворение представляет, с одной стороны, живой и целостный организм, все элементы которого – слово, ритм, рифмы, размер и строфическое построение – находятся в теснейшем, неразрывном, постоянном взаимодействии друг с другом...» [9, с. 22]. Правда, далее он говорит, что «статья “Анатомия стихотворения”, где изложены эти мысли, относится к 1918–1920 гг.» [Там же], «ранние же его рецензии и обзоры, посвящённые текущим явлениям русской поэзии, носят более свободный и непринуждённый характер» [Там же], а сам Гумилёв был тогда не связан «предвзятой теоретической догмой» [Там же].

Внесём необходимую ясность. Статья «Жизнь стиха», в которой стихотворение впервые уподобляется живому организму, опубликована в журнале «Аполлон» в 1910 г., т. е. фактически в начале литературно-критической деятельности Н.С. Гумилёва. Статья «Анатомия стихотворения» стала квинтэссенцией его теоретического подхода к комплексному анализу специфики стихотворений, который выкристаллизовывался в процессе написания критических откликов на текущую поэзию. Увидеть в книге Н.С. Гумилёва ростки этой системы интерпретации поэзии, проследить формирование гумилёвской методологии на живом материале – тема отдельного исследования.

В.Я. Брюсов, прекрасно зная, когда именно создана «Анатомия стихотворения», при аргументации своего тезиса об отсутствии у Н.С. Гумилёва критического метода, прибегает к передёргиванию фактов, попутно принижая его теоретические выкладки:

«Но Н. Гумилёв, тщетно попытавшись очертить грани своей поэтики (статьи “Анатомия стихотворения”, “Жизнь стиха” и др<угие>...

тотчас забывает о ней. В одном месте (стр. 190–191) он пробует *доказывать* (курсив в тексте цитаты. – А. Б.) свои положения, объяснить особенности поэзии Анны Ахматовой особым приёмом в сопоставлении эпитетов и в употреблении прилагательного в смысле существительного, но это остаётся исключением. Обычно доказательства заменены восклицаниями: “не правда ли?” или «это не убедительно!» Чаще же всего Н. Гумилёв пользуется сравнениями: “Их поэзия (Пушкина или Брюсова) – озеро, отражающее в себе небо; его поэзия (Вяч. Иванова) – небо, отражённое в озере” (стр. 118)» [6, с. 627].

К сожалению, придётся признать, что эти «аргументы» В. Я. Брюсова построены на полемических уловках. Так, он вырывает из контекста рецензий и обзоров Н. С. Гумилёва отдельные строки и даже части строк, препарируя в заданном негативном ключе: цитирует (к тому же не дословно) лишь маленький фрагмент из обзора Н. С. Гумилёва о нескольких поэтических книгах, изданных в 1914 г., в котором сборнику А. А. Ахматовой «Чётки» уделено значительное место. Больше того, Гумилёв упоминает там об «эйдолологической стороне» [7, с. 181] её стихотворений, т. е. на практике применяет собственную методологию интерпретации поэзии. Что же касается используемых Н. С. Гумилёвым сравнений и восклицаний, то для подтверждения тезиса об отсутствии у него критического метода их явно недостаточно, а сами аргументы выглядят слабыми, поскольку нарушены требования доказанности и достаточности.

Мы уже говорили о том, что «при анализе специфики поэтического почерка конкретного автора, особенностей стиля, художественных достоинств и недостатков его книги и Брюсов, и Гумилёв зачастую высказывают совершенно полярные оценки. С одной стороны, это объясняется их субъективными теоретическими воззрениями на сущность поэзии, с другой – возможным желанием дать отпор сопернику на литературно-критическом поле» [5, с. 125]. В «Суде акмеиста» Брюсов довольно часто цитирует оценки, даваемые Гумилёвым своеобразию рецензируемых им поэтов, но преимущественно в отрицательном и иногда даже в пренебрежительном контексте, например: «По-видимому, та же “партийность” привела критика и к оценке, которую уже трудно признать справедливой, О. Мандельштама как поэта...» [6, с. 625], «...в их стихах, шаблонных и слабых, критику почудилась “здоровая радость мироздания” и ещё что-то в этом роде из круга акмеистических заветов» [Там же, с. 626], «...почти комично звучит утверждение Н. Гумилёва...» [Там же], «“Убедительно” ли это для читателя или нет, критик не считает нужным доказывать строже» [Там же, с. 627]. Цель Брюсова осталась прежней – выразить своё несогласие с рядом литературно-критических «приговоров» Гумилёва: «Можно ценить мастерские строки О. Мандельштама, ныне возглавляющего неоакмеизм, но существо его поэзии, кажется нам, совершенно иное, чем хотелось бы Н. Гумилёву» [Там же, с. 625].

В. Я. Брюсов также сосредоточил повышенное внимание на конкретных содержательных пробелах книги Н. С. Гумилёва, а именно, на его отношении к футуристам: «Но взглянуть на футуризм как на явление значительное, заслуживающее внимания и разбора, – было можно и было должно» [6, с. 626].

Данный упрёк также представляется нам во многом несправедливым. Начнём с того, что Н. С. Гумилёв рецензировал с разной степенью полноты как отдельные, например, И. Северянина [7, с. 170–172] и В. Хлебникова [Там же, с. 172–174], так и коллективные сборники футуристов, например, «Садок судей» [Там же, с. 120] и «Садок судей II» [Там же, с. 168–169]. К тому же В. Я. Брюсов признал, что Гумилёв «угадал своеобразное дарование В. Хлебникова» [6, с. 626], но тут же неверно утверждал: «В “Письмах” ... *ни разу* (курсив в тексте цитаты – А. Б.) не назван В. Маяковский» [Там же]. Однако в рецензии Гумилёва на «Садок судей II» читаем обратное: «В. Маяковский имеет много общего с эго-футуристами» (так в тексте – А. Б.) [7, с. 169].

Итоговые выводы В. Я. Брюсова о книге Н. С. Гумилёва отличаются двойственностью: с одной стороны, «при всех своих недостатках... интересная и ценная книга» [6, с. 627], «книга поэта, любившего и понимавшего искусство» [Там же, с. 628], «важный исторический документ» [Там же], с другой – «достаточно живая картина русской поэзии 1909–1915 гг., только как бы отражённая в не совсем верном зеркале» [Там же, с. 626–627]. Мы полагаем, что в данном случае неважно, чья точка зрения на русскую поэзию указанного периода является самой объективной и единственно правильной; важен в первую очередь эстетический, культурологический и литературный уровень данной критической полемики, в которой вряд ли можно определить победителя. Да и нужно ли его определять?

Список литературы

1. Богомолов Н. А. Жизнь среди стихов // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 3–32.
2. Богомолов Н. А. Комментарии // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 655–709.
3. Богомолов Н. А. У истоков символистской критики // Критика русского символизма: В 2 т. М.: Олимп: АСТ, 2002. Т. 1. С. 3–15.
4. Бойников А. М. Концепт «совершенство» в литературно-критических воззрениях Н. С. Гумилёва // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилёва в контексте русской поэзии XX века: Материалы Международной научной конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. С. 178–186.
5. Бойников А. М. Н. С. Гумилёв и В. Я. Брюсов: литературно-критический диалог // Анна Ахматова и Николай Гумилёв в контексте отечественной культуры (к 120-летию со дня рождения А. А. Ахматовой): Материалы междуна-

- родной научно-практической конференции. Тверь: Научная книга, 2009. С. 123–128.
6. Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
  7. Гумилёв Н. С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 383 с.
  8. Крылов В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005, 268 с.
  9. Фридендер Г. М. Н. С. Гумилёв – критик и теоретик поэзии // Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. С. 5–44.

**“THE ACMEIST ON TRIAL” BY V. YA. BRYUSOV
AS A RESULT OF A LITERARY-CRITICAL DIALOGUE
WITH N. S. GUMILYOV**

A. M. Boynikov

Tver State University

Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article analyzes the completion of the literary-critical polemic between V. Ya. Bryusov and N. S. Gumilyov, which began in the 1910s. This aspect of the research not only deepens the existing ideas about the creative individuality of the two poets of the Silver Age who acted as critics, but also brings new touches to the picture of the Russian literary and critical process of the 1910s and 1920s.

Keywords: *literary criticism, literary-critical activity, symbolism, acmeism, poetry, review, polemic, V. Ya. Bryusov, N. S. Gumilyov.*

Об авторе:

БОЙНИКОВ Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: zoil69@mail.ru.

About the author:

BOYNIKOV Alexander Mikhaylovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: zoil69@mail.ru.